

Джеймс Хэдли
Чейз

ДЕЛО
О
НАЕЗДЕ

Иностранная литература. Классика детектива

Джеймс Чейз
Дело о наезде

«Азбука-Аттикус»

1958

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Дело о наезде / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус»,
1958 — (Иностранная литература. Классика детектива)

ISBN 978-5-389-15598-5

За полвека писательской деятельности британский автор детективов Рене Брабазон Реймонд (1906–1985) опубликовал около девяноста криминальных романов и сменил несколько творческих псевдонимов. Самый прославленный из них — Джеймс Хэдли Чейз. «Я, как ищейка, беру след и чую, чего хочет читатель. И что он купит» — так мэтр объяснял успех своих романов, охотно раскрывая золотоносный секрет: читателей привлекают «действие и ритм». В XX веке не осталось места неспешным старомодным историям, в которых эксцентричный сыщик расследует загадочное убийство аристократа в декорациях уютного загородного особняка; по законам нового времени детектив пускает в ход револьвер едва ли не чаще, чем дедукцию.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-15598-5

© Чейз Д. Х., 1958
© Азбука-Аттикус, 1958

Содержание

Глава первая	6
I	6
II	12
Глава вторая	15
I	15
II	18
Глава третья	24
I	24
II	28
Глава четвертая	32
I	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Джеймс Хэдли Чейз

Дело о наезде

© М. Загот, перевод, 2018

© В. Антонов, перевод, 2018

© А. Горский (наследник), перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство Иностранка®

Глава первая

I

Некоторые боссы придерживаются твердого правила – никогда не смешивать работу и личную жизнь. Именно к такому типу начальников принадлежал Роджер Эйткен. Лишь после того, как он упал с лестницы перед «Плаза Грилл» и сломал себе ногу, я попал к нему домой и увидел его жену.

До этого случая он меня к себе ни разу не приглашал, и это меня нисколько не беспокоило. По-моему, нет ничего хуже, когда начальник, крупная птица, изображает из себя эдакого отца родного. Если шеф раз в месяц устраивает дома званый ужин для сотрудников, совершенно нестерпимый ужин, на котором все боятся притронуться к рюмке или повысить голос, от такого шефа надо бежать как от чумы – в этом я твердо уверен.

Роджер Эйткен являл собой совершенно противоположный тип босса – это был босс-феодал. Людей он подбирал себе очень тщательно и платил им на четверть больше, чем любое другое рекламное агентство. Примерно неделю он присматривался, подходит человек или нет, и если решал, что нет, невезучим приходилось с треском вылетать вон.

Эйткен возглавлял «Международное Тихоокеанское агентство» – самое большое и лучшее рекламное агентство на всем побережье. Прежде чем попасть туда, я работал в маленьком занюханном рекламном бюро, которое одной ногой стояло в финансовой могиле, а босс его вскоре загремел в дом для неизлечимых алкоголиков. Было это года два назад. Хорошо помню, я сидел за своим столом и ломал голову, как лучше подать рекламу посудомоечной машины – это убогое создание даже не могло считаться с тарелки остатки соуса, – как вдруг мне позвонила секретарша Роджера Эйткена. Она сказала, что Эйткен хочет видеть меня по личному делу и просит зайти к нему в шесть часов.

Я, разумеется, много слышал об Эйткене. Я знал, что он управляет агентством, принадлежащим кучке богатых бизнесменов, и делает это очень здорово. Естественно, я сразу же подумал: а не хочет ли он предложить мне работу? Естественно, я заволновался: работать в «Международном» считалось мечтой для любого рекламщика на побережье.

В шесть часов я как штык стоял в приемной агентства, а еще через пять минут – перед столом Эйткена, стараясь мужественно выдержать взгляд стальных голубых глаз, который, как нож масло – по-моему, здесь это сравнение уместно, – пронзал меня до самого затылка.

Эйткен был крупный, высокий – более шести футов¹ ростом – мужчина, ширококостный, с живым лицом. Рот его напоминал защелкнутый капкан, агрессивная челюсть – челюсть крупного чиновника. Выглядел он лет на пятьдесят семь и был полноват в талии, но если это и был жирок, то жирок тугой, плотный. Короче говоря, было ясно, что этот человек держит форму.

Секунд десять он пристально рассматривал меня, потом поднялся, протянул руку и крепко, до боли в косточках, пожал мою.

– Вы Честер Скотт? – требовательно спросил он. Голос его, безусловно, можно было услышать в приемной, не прикладывая уха к замочной скважине.

Не знаю, за кого еще он мог меня принять, поскольку, прежде чем добраться до его кабинета, я назвал свое имя по меньшей мере четверем его служащим.

Я сказал, что я – Честер Скотт.

Он открыл лежавшую на столе папку и постучал по ней пальцем:

¹ 1 фут равен примерно 30,5 см.

– Ваша работа?

В папке было около двух десятков вырезок из разных газет и журналов – реклама, сделанная мной за последние четыре-пять месяцев.

Я сказал, что это моя работа.

Он закрыл папку и начал вышагивать по комнате.

– Не так уж плохо, – заметил он. – Вы могли бы мне подойти. Сколько они вам платят?

Я назвал сумму.

Он приостановился и уставился на меня, как будто не расслышал.

– Вам известно, что вы стоите больше?

Я сказал, что известно.

– Почему же вы сидите сиднем и ничего не предпринимаете?

Я сказал, что в последнее время у меня было много работы и думать о чем-то другом не приходилось.

– Может, для вас работа важнее денег?

– Я бы не сказал, – ответил я. – Просто в последнее время я действительно был занят.

Еще несколько секунд он не спускал с меня глаз, потом обошел вокруг стола и сел в свое кресло.

– У меня вы будете получать на сотню в неделю больше, чем сейчас. На работу можете выйти с понедельника.

Так я начал работать в «Международном».

С тех пор прошло два года. За это время я стал в агентстве вторым человеком после Эйткена и подчинялся только ему самому. Получал я столько, сколько два года назад мне и присниться не могло. У меня появились «кадиллак» с открывающимся верхом, бунгало с тремя спальнями и видом на океан, мальчишка-филиппинец, помогавший мне вести холостяцкое хозяйство, а также счет в банке на кругленькую сумму.

Только не думайте, что я вышел на этот уровень, посиживая в кресле и покуривая сигаретки. Если вы попадаете к Эйткenu, вам приходится вкалывать до седьмого пота. Каждый день, включая субботы, я садился за свой стол ровно в девять утра и нередко просиживал до полуночи. Платили в «Международном» прилично, но Эйткен за эти деньги драл три шкуры. Я, наверное, в жизни своей так много не работал, но мне это нравилось, к тому же со мной работали хорошие ребята: каждого парня или девушку Эйткен отбирал лично, а это кое-что значило. Короче говоря, я был на вершине блаженства. Слезать с этой вершины я никак не собирался, но, к сожалению, иногда обстоятельства складываются не так, как нам хочется.

Однажды жарким июльским вечером все вдруг полетело кувырком. Я поздно засиделся на работе – был уже десятый час. Со мной оставались только моя секретарша Пэт Хэнесси и художник-график Джо Феллоуз. Остальные ушли домой. Мы работали над рекламой нового туалетного мыла. Работа была большая и ответственная, кое-что делалось специально для телевидения, и вкладывалось в это дело около двух миллионов долларов.

Феллоуз показывал мне какие-то куски рекламы для еженедельников, и тут на столе Пэт зазвонил телефон.

Она подошла к столу и сняла трубку.

Пэт – девушка очень симпатичная. Высокая, длинноногая, с рыжими волосами и большими голубыми глазами, цвет лица – как на картинке. Ей двадцать шесть лет, а язычок такой, что лучше не попадаться. Мы с ней работали в одной упряжке. Если бы не ее напоминания, я бы выходил из всех графиков и запарол половину работ, которыми меня забрасывал Эйткен.

Я не слушал, о чем она говорила, – мы с Джо исправляли один из его эскизов. Мне не нравилась девушка, которую он использовал в качестве модели.

– Слушай, Джо, – говорил ему я, – девицу с такой грудью прищемит первая же вращающаяся дверь.

– Ну и прекрасно, – с обезоруживающей простотой парировал Джо, – именно это я и хочу передать. Я как раз и хочу, чтобы мужики, увидев эту рекламку, сразу задали себе вопрос: а что будет делать такая дамочка, если ей потребуется пройти через вращающуюся дверь? Это же психологический рисунок.

Я попытался удержаться от смеха, но не смог и бросил в него эскизом, а Пэт в это время повесила трубку и своим тихим, спокойным голосом сказала:

– Мистер Эйткен сломал ногу.

– Жалко, что не шею... – сострил было Джо, но тут же осекся. – Шутишь, что ли?

Пэт взглянула на меня.

– Звонила его экономка, – сказала она. – Мистер Эйткен поскользнулся на лестнице в «Плаза Грилл». Он упал и сломал ногу.

– Это в духе нашего шефа! – довольно беспардонно воскликнул Джо. – Если уж ломать ногу, так не где-нибудь, а в «Плаза Грилл». А какую ногу, она не сказала?

– Заткнулся бы ты, Джо, – оборвал его я. Потом спросил у Пэт: – А где он? В больнице?

– Его отвезли домой. Он хочет тебя видеть. Экономка просила передать, чтобы ты приехал прямо сейчас.

Тут я вдруг сообразил, что и понятия не имею, где живет Эйткен.

– Где его найти? – спросил я, вставая.

– У него небольшая хибарка на Пальмовом бульваре, – с циничной улыбкой ответил Джо. – Такой милый домишко на двадцать четыре спальни, а гостиную можно вполне использовать под автобусный гараж. Ни дать ни взять загородная дачка из рекламного проспекта.

Его юмор был явно неуместен. Я вопросительно повернулся к Пэт.

– Это «Гейблз», на Пальмовом бульваре, – быстро сказала она. – Третий дом справа.

Она начала вытаскивать из ящиков и папок какие-то бумаги и складывать их в одну папку.

– Это еще зачем? – удивился я.

– Могут пригодиться. Ты думаешь, Р. Э. зовет тебя только для того, чтобы ты посидел с ним? Завтра заседание правления, и вести его придется тебе. Он обязательно захочет посмотреть все бумаги, вот увидишь. – И она сунула папку мне под мышку.

– Да человек же ногу сломал! Какая ему сейчас работа! Небось на стенку лезет от боли!

– Возьми бумаги, Чес, – сказала Пэт серьезно. – Вот увидишь, они понадобятся.

Она была права. Бумаги действительно понадобились.

«Гейблз» оказался огромным домом, окруженным садом акра примерно на два, с прекрасным видом на океан и далекие горы. Насчет двадцати четырех спален Джо, конечно, загнул, но за десять я мог поручиться. Дом был хороший. Во всяком случае, я бы в таком жил с удовольствием. Таким домом восхищались бы твои друзья, даже если в душе они тебя ненавидят.

Слева от дома находился приличных размеров бассейн, а также гараж на четыре машины, в котором стояли солидный «бентли» – Р. Э. ездил в нем на работу, – спортивный «кадиллак», «бьюик»-универсал и маленький «TR-2».

Залитый светом сад утопал в цветах: розы, бегонии, петунии... Пустынный в эту пору бассейн тоже был освещен. Я проехал по дорожке, посыпанной гравием. Вот это бассейн! Ну и красотища! А если еще вокруг будут нежиться красотки в бикини...

Я был слегка ошарашен всей этой роскошью. Я, конечно, знал, что Р. Э. птица высокого полета, но и подумать не мог, что у него такие доходы.

Я вышел из машины, поднялся по лестнице – к парадной двери вели двадцать мраморных ступенек – и нажал на кнопку звонка.

Через некоторое время дверь открылась. На пороге, вопросительно подняв седые брови, стоял высокий полный человек в костюме английского дворецкого. Позже я выяснил, что звали его Уоткинс и Р. Э. выписал его из Англии за приличную сумму.

– Я Честер Скотт, – отрекомендовался я. – Мистер Эйткен ждет меня.

– Да, сэр. Сюда, пожалуйста.

Я прошел за ним через большой холл, потом вниз по лестнице в комнату, видимо служившую Р. Э. кабинетом. Там стояли стол, диктофон, четыре кресла, радиоприемник. Вдоль стен – полки с книгами, тысячи две книг.

– Как он себя чувствует? – спросил я Уоткинса, когда тот зажег свет и уже собрался исчезнуть в дальних закоулках огромного дома.

– Все необходимые меры были приняты, сэр, – сказал он замогильным голосом. – Прошу вас, подождите несколько минут, я сообщу ему о вашем приходе.

Он удалился, а я подошел к полкам и стал рассматривать корешки книг.

Через некоторое время Уоткинс вернулся.

– Мистер Эйткен готов принять вас.

Прижимая к боку папку, которую мне сунула Пэт, я прошел за Уоткинсом по коридору в лифт, который поднял нас на два этажа. Через широкий вестибюль мы подошли к двери. Уоткинс легонько постучал, повернул ручку и сделал шаг в сторону.

– Мистер Скотт, сэр.

Я вошел в просторную и типично мужскую комнату. Портьеры на большом окне были раздвинуты, и за ним плескался освещенный луной океан. А на односпальной софе лежал Эйткен.

Выглядел он как всегда, если не считать того, что я привык видеть его на ногах, а не в постели. В зубах у него торчала сигара, а поверх одеяла была навалена куча бумаг. У изголовья горела лампа, остальную часть комнаты скрывала темнота.

– Входите, Скотт, – сказал Эйткен, и по тому, как скрипнул его голос, я понял, что собственное положение доставляет ему мало удовольствия. – Здорово я устроился, да? Берите стул. Ну ничего, я заставлю этих кретинов заплатить! Я послал моего адвоката полюбоваться на эти ступеньки – это же настоящая волчья яма! Пришучить я их пришучу, только нога от этого здоровей не станет.

Я поставил стул поближе к софе и сел. Потом начал было выражать соболезнования, но он отмахнулся.

– Не надо, – устало произнес он. – Это все пустые слова, какой от них толк? Если верить этому дураку-доктору, я вышел из строя по крайней мере на месяц. В моем возрасте и при моем весе ломать ноги не очень-то рекомендуется. Если не отлежать сколько положено, можно остаться хромым на всю жизнь, а такая перспектива мне никак не подходит. Поэтому я буду лежать. А завтра заседание правления. Вести его придется вам. – Он посмотрел на меня. – Справитесь?

Проявить скромность? Нет, это был явно не тот случай.

– Скажите, как я должен провести заседание, – твердо сказал я, – и я его проведу.

– У вас бумаги с собой?

Спасибо тебе, дорогая моя Пэт! Каким балбесом я бы сейчас выглядел перед шефом, если бы не ты!

Я вытащил из папки бумаги и протянул их Эйткену.

Секунд десять он смотрел на меня в упор, потом на его непроницаемом лице появилось некое подобие улыбки.

– Знаете, Скотт, – сказал он, беря бумаги, – вы очень толковый малый. Как вы догадались взять это с собой? Как догадались, что я не лежу здесь бездыханный и ни на что не годный?

– Я просто не могу представить вас в таком состоянии, мистер Эйткен, – учтиво произнес я. – Свалить такого человека, как вы, не так-то просто.

– Да уж, это точно.

Я понял, что попал в точку. Положив перед собой бумаги, он наклонился стряхнуть с сигары пепел в стоявшую на столике пепельницу.

– Ответьте мне на один вопрос, Скотт, у вас есть деньги?

Вопрос был настолько неожиданным, что какой-то миг я с удивлением смотрел на Эйткена.

– У меня есть двадцать тысяч долларов, – ответил я наконец.

На этот раз удивился он.

– Двадцать тысяч? Совсем недурно, а? – Он даже прищелкнул языком. На моей памяти он впервые выглядел таким веселым. – Похоже, я вас так перегрузил, что вам некогда было их истратить?

– Да нет, – ответил я. – Просто большая часть этих денег досталась мне по наследству.

– Я вам объясню, почему я задал этот вопрос, – сказал он. – Мне надоело гнуть спину на какого-то дядю. Я хочу перебраться в Нью-Йорк и открыть там самостоятельное дело. В ближайший месяц управлять «Международным» придется вам. Я вам буду говорить, что надо делать, но иногда решение придется принимать с ходу, консультироваться со мной будет некогда. Мне ни к чему, чтобы вы звонили сюда каждые полчаса и спрашивали, как сделать это и как сделать то. Я дам общую установку, а уж действовать будете сами. Если увижу, что вы справились, получите возможность, за которую любой занятый в нашем бизнесе отдал бы все на свете: если вы согласитесь вложить деньги в дело, будете моим компаньоном. Это значит, что Нью-Йорк будет на вас, а я буду пока продолжать заниматься «Международным». И тогда мы оба сможем зарабатывать хорошие деньги. Ну как?

– Господи, ну конечно! – Я выпрямился. Как сильно колотится сердце! – Вы можете рассчитывать на меня, мистер Эйткен.

– Ну ладно, посмотрим. Пока что ваша задача – справиться с «Международным». Справитесь – я вас беру. Не справитесь – разговора не было. Ясно?

Не успел я как следует обдумать, какая передо мной открывается возможность, мы перешли к обсуждению завтрашнего заседания. Но позже я понял: такое выпадает раз в жизни. Это запросто позволит мне подняться на порядок выше, перейти в класс Эйткена, а там, рано или поздно, – полная самостоятельность! С двадцатью тысячами долларов на кону, с возможностями, какие открывает Нью-Йорк перед молодым предприимчивым рекламщиком, и с поддержкой Эйткена это действительно был случай, за который любой в нашем бизнесе отдал бы все на свете.

Я просидел у Эйткена два с половиной часа. Мы изучали протоколы предыдущих заседаний, потом обсуждали задачи на новую неделю. Благодаря Пэт у меня с собой были все необходимые бумаги. Она не упустила ничего, и это произвело на Эйткена большое впечатление. Наконец примерно в половине двенадцатого в комнату вошла высокая худая женщина в черном шелковом платье – это, как я потом выяснил, была его экономка миссис Хэплл – и прервала наше бдение.

– Пора вам немножко и отдохнуть, мистер Роджер, – сказала она, и по глазам ее было ясно, что никаких возражений она не потерпит. – Доктор Шульберг велел вам ложиться спать не позднее одиннадцати, а вы уже пересидели лишних полчаса.

Я ожидал, что Р. Э. пошлет ее к черту, но этого не случилось.

– Ох уж мне эти лекари! – не глядя на нее, проворчал он и оттолкнул от себя бумаги. – Ладно. Забирайте эту макулатуру, Скотт.

Я начал складывать бумаги в папку. Эйткен продолжал:

– Что ж, придется целый месяц со всем этим мириться. Как только заседание правления окончится, звоните мне. Будьте осторожны с Темплменом. От него в любой момент можно ожидать пакостей. А завтра вечером снова приезжайте сюда. Я хочу знать, как вам удастся утрясти вопрос со счетом Вассермана. Это дело ни в коем случае нельзя проморгать, и «Прекрасное мыло» тоже.

Я заверил его, что все сделаю как надо, пожелал ему спокойной ночи и с облегчением вышел из комнаты.

Подойдя к лифту, я нажал на кнопку, но ответного сигнала не было. Наверное, кто-то внизу забыл захлопнуть дверь шахты. Я пошел вниз по лестнице.

Внизу я увидел площадку, на которую выходило несколько дверей. Одна из них была широко распахнута, и лившийся из нее свет прямоугольником высвечивал бело-зеленый ковер.

Ковер на ступеньках был такой толстый, что я не слышал собственных шагов. Поэтому, наверное, их не услышала и она.

Она стояла перед большим, в полный рост, зеркалом и любовалась собой. Чуть склонив голову набок, она приподнимала с плеч длинные каштановые волосы. На ней были забавные короткие штанишки, которые кончались чуть выше колен. А ноги босые.

Более очаровательного создания я не встречал за всю свою жизнь. Ей было года двадцать два, а скорее всего, двадцать. Это была сама молодость, красота и свежесть, и все в ней, от длинных блестящих волос до маленьких босых ног, манило и будоражило.

Я увидел ее и почувствовал, как во мне вспыхнула искра, которая словно разожгла костер: меня всего обдало жаром, голова пошла кругом. Во рту вдруг пересохло, горло сдавило, а сердце рванулось в галоп.

Замерев на месте, я стоял в полутьме и смотрел на нее. Никогда еще я не встречал женщину, которую желал бы так страстно; иначе почему так громко стучит в висках кровь, почему так бешено колотится сердце?

То ли она инстинктивно почувствовала, что на нее смотрят, то ли ей просто надоело любоваться собой, во всяком случае, она шагнула в сторону, и дверь захлопнулась.

Еще секунд десять я заворуженно глядел на закрытую дверь, потом машинально пошел вниз и через один пролет оказался в холле. И только там я остановился, достал платок и вытер вспотевшее лицо.

Из гостиной вышел Уоткинс.

– Сегодня теплая ночь, – сказал он, буравя меня хитрым, пронизательным взглядом. – Вы без шляпы?

Я сунул платок в карман.

– Без шляпы.

– Вы на машине, сэр?

– Да.

Я сделал движение в сторону парадной двери. Он предупредительно открыл ее.

– Доброй ночи, сэр.

Я что-то буркнул в ответ и вышел в теплую тихую тьму. Как хорошо, что сейчас надо будет ехать, держаться за баранку!

Ее отделяло от Эйткена лет тридцать пять, не меньше, но что-то подсказывало мне, что она ему не дочка и не любовница. Что-то внутри говорило мне, что она ему жена, и от этой мысли меня затошнило.

II

В ту ночь я спал плохо – от разных мыслей пухла голова. Я думал о предложении Эйткена – такой случай, безусловно, выпадает раз в жизни. Я думал о предстоящем заседании правления – орешек, который необходимо разгрызть.

«Международное Тихоокеанское агентство» имело пять директоров. Четверо из них были банкирами, они полностью доверяли Эйткenu и в вопросах политики фирмы всегда шли ему навстречу. Пятый же – юрист Селвин Темплмен – считал себя крупным знатоком рекламного дела и поэтому часто вмешивался в работу Эйткена. Завтра тягаться с ним придется мне, и эта мысль не доставляла никакого удовольствия.

Еще одна проблема – счет Вассермана. Джо Вассерман возглавлял крупнейшую на побережье фирму по изготовлению телевизоров. Он принадлежал к числу наиболее важных наших клиентов, платил большие деньги – и прекрасно это знал. Время от времени он грозился, что расторгнет с нами контракт и передаст всю рекламу, а вместе с ней и деньги другому агентству. Но пока нам удавалось его удержать. Он был одним из немногих, с кем всегда имел дело лично Эйткен. Теперь эта обязанность ложилась на меня, и это тоже не доставляло мне удовольствия.

Наконец, меня мучила мысль о том, что, по всей вероятности, в течение целого месяца хозяином в «Международном» буду я. Это значит, что под моим началом будут работать сто пятнадцать мужчин и женщин, а в любое время рабочего дня мне могут позвонить, написать или обратиться со своими проблемами лично двести три клиента нашего агентства, ни секунды не сомневаясь, что я мгновенно отвечу на любой их вопрос. Раньше это меня не особенно беспокоило – я знал, что, если захожу в тупик, всегда можно обратиться к Р. Э. и предоставить искать выход из лабиринта ему. Собственно, я мог поступить так и сейчас, но его мнение обо мне резко бы упало. В конце концов, человек со сломанной ногой вправе рассчитывать на то, что тревожить его будут только в самом крайнем случае.

Короче говоря, и эта мысль доставляла мне мало радости.

За окном светила луна, с легким шелестом накатывался на берег океан, а я лежал в постели, окруженный, казалось, совершенно неразрешимыми проблемами. И вдруг я понял, что лежу в темноте без сна вовсе не из-за них, – у меня перед глазами стояла любующаяся собой в зеркале жена Роджера Эйткена.

Вот почему я не мог заснуть! В сознании еще и еще раз проигрывалась виденная мною картина: она – сама свежесть и красота – поднимает с белых плеч густые каштановые волосы, тонкая рубашка обтягивает изящную грудь. Такая невыразимо желанная, но, увы, жена Роджера Эйткена. Эта картина не давала заснуть, меня знобило, словно в лихорадке.

Почему Эйткен женился на ней – ведь она годится ему в дочери? А она, она-то почему вышла за него замуж? Уж конечно не по любви, какая же девушка полюбит такого человека, как Р. Э.?

Только не думайте, что я не пытался отогнать эти мысли. Наоборот, я всячески старался не думать о ней. Она, говорил я себе, жена Р. Э. и потому должна быть для меня святыней. Она предназначена не для меня. Я сумасшедший, что вообще вот так о ней думаю. Но ничего не помогало. В эту ночь я спал плохо – никак не мог выбросить ее из головы.

Утром я приехал на работу в начале десятого. У самого лифта столкнулся с Пэт. Лифт был переполнен, и нас прижали к стенке. Мы только молча улыбались друг другу – вокруг было слишком много ушей.

Как только мы выбрались из лифта, я рассказал ей о предложении Р. Э.

– Ой, Чес, как это здорово! – воскликнула она. – Я всегда удивлялась, почему он не перебирается в Нью-Йорк. Подумать только – ты будешь там за главного!

– Еще ничего не решено. Я могу все завалить здесь, и тогда вся затея лопнет.

– Что значит «завалить»? Как ты можешь так думать? Ты прекрасно со всем справишься.
– Если я попаду в Нью-Йорк, ты мне там понадобишься, Пэт. Без тебя я просто не смогу работать.

Глаза ее блеснули.

– Нью-Йорк – это просто великолепно. Мне всегда хотелось работать в Нью-Йорке.

Через некоторое время, когда я читал почту, в комнату ввалился Джо Феллоуз.

– Привет, босс. – Он осклабился. – Как там наш старик?

– Все такой же. Единственная разница – не ходит взад-вперед, а лежит, – отшутился я. – Слушай, Джо, я сейчас занят. Через десять минут мне проводить заседание правления. У тебя какое-то дело?

Джо сел на край моего стола.

– Успокойся, малыш. Подумаешь, заседание правления. Я хотел услышать, что наш старик корчится от боли и страдает: мне бы это доставило удовольствие. Готов спорить, что от его стонов разлетелись все вороны.

– Как бы не так. Он стойк до мозга костей. Так что я вынужден тебя разочаровать, Джо, а сейчас сматывайся, мне нужно прочитать почту.

Джо не пошевелился. Он с недоумением смотрел на меня:

– Ты плохо выглядишь. В чем дело?

Мы проработали вместе два года, и он мне нравился. Среди рекламщиков второго такого графика не было. Он часто говорил, что вместо Эйткена предпочел бы иметь шефом меня, и я знал: если мне когда-нибудь выпадет возможность открыть свое дело, он пойдет ко мне работать с радостью.

Поэтому я рассказал ему о перспективе покорения Нью-Йорка.

– Потрясающе! – вскричал он, как только я кончил. – Ты, Пэт и я – это будет такая группа, какую еще не знал мир! Если ты не заграбастаешь эту работу, Чес, я тебя задушу.

– Ну, если так, придется постараться, – с улыбкой ответил я.

Он соскользнул со стола.

– А кстати, ты вчера, когда был у Р. Э., жену его не видел?

Меня бросило в жар. К счастью, я в этот момент перебирал бумаги и потому мог не смотреть на него, иначе, боюсь, я бы себя выдал.

– Жену? – Я вложил в голос все бесстрашие, каким располагал. – Нет, не видел.

– Ну так ты пропустил премьеру. Это такой блеск, доложу я тебе! Я как-то случайно видел ее, и она мне с тех пор снится.

Я уже более или менее овладел собой и поэтому поднял голову и взглянул на него:

– И что уж там такого особенного?

– Вот ты ее увидишь и поймешь, что задал глупейший вопрос года. Что особенного? Да один ее мизинец довел меня до такого экстаза, до какого не доводила ни одна девушка! Как подумаю, что такая конфетка досталась этой маринованной старой кислятине с кулаком вместо сердца, – сдохнуть хочется!

– Откуда ты знаешь, может, она с ним счастлива.

– А ты поставь себя на ее место. Разве молодая и красивая девушка может быть счастлива с таким мужем, как Р. Э.? – спросил Джо с ухмылкой. – Эта сказка стара как мир. Ее могла вдохновить на такой брак только одна вещь – его чековая книжка. Плоды налицо: она живет в доме с двенадцатью спальнями, она может украсить свою прелестную шейку брильянтовым ожерельем, даже сам Р. Э. целиком принадлежит ей. Но вот что она при этом счастлива – это уж дудки, не поверю.

– Знаешь, а я, как ни странно, никогда не слышал, что он женат. Откуда она взялась?

– Понятия не имею. Скорее всего, дрыгала ножками в каком-нибудь кабаре. Он женился на ней за год до того, как к нам пришел ты, – сказал Джо. – Это значит, когда он ее подцепил,

ей было лет семнадцать – прямо, можно сказать, из колыбельки. Короче, при случае советую на нее взглянуть. Она того стоит.

– А может, все-таки кончишь трепаться и уберешься отсюда? – Я решил закончить этот разговор. – До совещания осталось десять минут.

Задуматься над словами Джо сразу мне было некогда, но позже я над ними задумался, задумался серьезно. Мысль о том, что она просто продалась Эйткену, казалась отвратительной, но я чувствовал: Джо не ошибся. Она вышла за него замуж из-за денег – никакой другой причины здесь быть не могло.

Часов около трех я позвонил Эйткену. Чувствовал я себя так, будто меня пропустили через бельевой барабан. Заседание правления только что закончилось – мне пришлось изрядно попотеть. Увидев, что Эйткена нет, Темплмен совсем было распоясался и ничего не хотел слушать, но мне удалось поставить его на место, а заодно и остальных директоров. Я получил их согласие по всем важным для Эйткена позициям, и это само по себе было полным триумфом.

Поэтому, как только кончилось заседание, я сразу набрал номер Эйткена. Трубку сняли после первого гудка, и женский голос сказал:

– Алло! Кто говорит?

Я сразу понял, что это она, и от звука ее голоса у меня захватило дух. Какую-то секунду я не мог произнести ни слова и просто сидел как околдованный, прижав трубку к уху и вслушиваясь в нежное дыхание на другом конце линии.

– Алло! Кто говорит? – повторила она.

– Это Честер Скотт, – выдавил я с трудом. – Я хотел бы поговорить с мистером Эйткенем.

– Мистер Скотт? – переспросила она. – Конечно, разумеется. Он ждет вашего звонка, одну минуточку.

– Как он себя чувствует? – спросил я, чтобы продлить удовольствие: боже, какой мягкий, волнующий голос!

– Спасибо, хорошо. – Особого энтузиазма в ее голосе не было. А может, мне просто так казалось? – Доктор им очень доволен, – добавила она, затем щелкнул какой-то рычажок, и через мгновение я разговаривал с Эйткенем.

Глава вторая

I

Около восьми часов я подъехал к «Гейблз».

В дороге меня одолевала одна мысль: увижу ли я ее сегодня? Во рту, словно после болезни, было сухо, а сердце билось глухо и неровно.

Я сразу же заметил, что сегодня освещение над садом и бассейном выключено, зато про- бел отлично восполняла светившая металлическим светом луна, и вид у виллы был необы- чайно впечатляющий.

Я оставил машину перед парадным входом, взбежал по лестнице и нажал на кнопку звонка. После обычной паузы дверь, как и вчера, открыл Уоткинс.

– Добрый вечер, сэр, – сказал он. – Сегодня чудесная погода.

– Да, – пробормотал я, проходя за ним в холл. – Как мистер Эйткен?

– Я полагаю, лучшего ожидать трудно. Правда, к вечеру он стал слегка нервничать. Если не возражаете, я попросил бы вас не засиживаться.

– Постараюсь управиться быстро.

– Это было бы очень благоразумно, сэр.

Мы поднялись в лифте. Старик тяжело дышал. Каждый вымученный вдох сопровождался похрустыванием его накрахмаленной манишки.

Эйткен полусидел в своей постели, зубы мертвой хваткой сжимали сигару. На коленях у него лежали какие-то счета, а рядом – карандаш и блокнот. Он был явно утомлен, а при свете лампы на лбу виднелись капли пота. Углы рта чуть провисли вниз, веки отяжелели. Вчера он выглядел гораздо лучше.

– Входите, Скотт, – проворчал он, словно предупреждая меня, что сегодня он не в настро- ении.

Я подошел к его софе и сел в кресло.

– Как ваша нога? – спросил я, сосредоточив все внимание на своем портфеле.

– Нормально. – Он смахнул счета прямо на пол. – Мне звонил Гамильтон и сказал, что заседание вы провели отменно.

– Я рад, что у него создалось такое впечатление. С Темплменом все-таки были трудно- сти, – скромно произнес я. – Он заставил меня здорово попыхтеть.

Рот Эйткена искривился в улыбке.

– Вы с ним справились. Гамильтон мне все рассказал. Вы прикрутили хвост этому ста- рому ослу. Протокол у вас с собой?

Я протянул ему протокол.

– Я пока почитаю, а вы возьмите что-нибудь выпить и мне налейте. – Он махнул рукой в сторону столика у стены, на котором стояли бутылки и стаканы. – Я хочу виски, да побольше.

По голосу я понял, что спорить с ним бесполезно, поэтому подошел к столику и плеснул в два стакана виски с содовой. Один из них я протянул Эйткenu. Посмотрев на стакан, он нахмурился. В этот момент он был здорово похож на разгневанного гангстера.

– Я же сказал: побольше! Вы что, не слышали?

Я вернулся к столику и долил Эйткenu виски. Он залпом осушил стакан, потом ткнул им мне в грудь.

– Налейте еще, потом садитесь.

Я налил ему столько же, поставил стакан рядом с софой и сел.

Наши глаза встретились, и Эйткен вдруг ухмыльнулся.

– Не сердитесь на меня, Скотт, – сказал он. – Когда человек ломает ногу, он становится совершенно беспомощным. В этом доме против меня организовали заговор – они мне всячески внушают, что я болен. Весь день я ждал, когда придете вы и дадите мне выпить.

– По-моему, это худшее, что вы могли сейчас сделать, – сказал я.

– Вы считаете? – Он усмехнулся. – Об этом позвольте судить мне. – Он взял протокол. – Можете курить, если хотите.

Я зажег сигарету и отпил немного из стакана. Минут десять Эйткен читал протокол, потом уронил его на колени, потянулся к стакану и отхлебнул изрядную дозу.

– Для начала совсем недурно, – похвалил он. – Более того: я сам не провел бы заседание лучше. Если и дальше пойдет в таком же духе, считайте, что Нью-Йорк у вас в кармане.

Услышать такое было приятно и лестно.

– Ну хорошо, – продолжал он, – им пришлось уступить, и вы должны этим воспользоваться. Есть какие-нибудь идеи?

Я знал, что он задаст этот вопрос, поэтому перед уходом с работы посоветовался со старшими в отделах.

В течение получаса я излагал свои идеи. Он спокойно лежал и слушал, потягивая виски и время от времени удовлетворенно кивая. Я говорил то, что нужно, – это было ясно. Когда я кончил, он сказал:

– Ну что же, неплохо. Совсем неплохо. Сейчас я расскажу вам, как можно сыграть лучше.

Настала моя очередь слушать – это был хороший предметный урок. Все идеи были мои, но поворачивал он их слегка по-своему, причем я сразу же видел, в чем был не прав. Мой вариант тоже был хорош, но обходился чуть дороже. Его вариант давал агентству экономию в десять процентов, а самому Эйткену – право считать себя по сравнению со мной бизнесменом более высокого класса.

Я вдруг заметил, что уже перевалило за девять, и сразу вспомнил слова Уоткинса о том, что встречу желательнее не затягивать.

– Понятно, сэр, – сказал я, укладывая бумаги в портфель. – Все будет сделано. А сейчас, если не возражаете, я полечу. У меня в десять свидание.

Он ухмыльнулся:

– Не надо лгать, Скотт. Я знаю, это вас надоумил старый хитрюга Уоткинс. Ну да черт с ним. Смагивайтесь. Завтра жду вас в восемь. – Он допил виски и поставил стакан. – У вас есть девушка, Скотт?

Этот вопрос застал меня врасплох. Я даже выронил на пол несколько бумаг. Нагнувшись за ними, я ответил:

– Постоянной нет, если вы об этом.

– Я не об этом. Время от времени мужчине нужна женщина. Только ни в коем случае не идите у них на поводу, не поддавайтесь их чарам. Женщины – это благо, а блага для того и созданы, чтобы ими пользоваться. – Циничные нотки в его голосе неприятно резанули слух. – Я не хочу, чтобы вы все время работали. Отдыхать тоже надо. Вы не мальчик и должны знать, что женщина – это весьма приятная форма отдыха. Но только не позволяйте ей подцепить вас на крючок. Стоит вам поддаться, увлечься – вы пропали.

– Да, сэр, – произнес я, снова запихивая бумаги в портфель. От него я ничего подобного не ожидал, и такой цинизм задел меня за живое. – Завтра в восемь я буду у вас.

Не сводя с меня глаз, он откинулся на подушки.

– И не работайте в выходные. В пятницу вечером приходить не надо – позвоните только в понедельник утром. Давайте, Скотт, стройте планы на выходные. В гольф играете?

Я сказал, что играю.

– Лучшая в мире игра, если не относиться к ней серьезно. В этом смысле ее можно сравнить с женщиной. К ним нельзя относиться серьезно, иначе попадетесь на крючок – и поминай как звали. Сколько вы набираете?

Я сказал, что в лучшие времена набирал семьдесят два.

Он уставился на меня так, словно видел впервые.

– Так вы же почти профессионал!

– Иначе и быть не могло – я играю в гольф с пяти лет. Мой отец был помешан на гольфе. Даже мать заставлял играть.

Я пошел к двери.

– Завтра в восемь буду у вас.

– Давайте, Скотт. – Он все не сводил с меня испытующих глаз. – И договоритесь с кем-нибудь насчет гольфа. – Рот его изогнулся в скверной улыбочке. – А на вечер найдите себе хорошенькую девчонку. Гольф и женщины – это лучший в мире отдых.

Я наконец вышел из его комнаты. Цинизм Эйткена оставил неприятный осадок, я даже не мог сообразить, ехать мне в лифте или спускаться по лестнице. Но тут в мозгу возникла навязчивая картина: она перед зеркалом, и я направился к лестнице.

Там я остановился и через перила взглянул на нижнюю площадку. Свет не горел, и я почти физически ощутил боль разочарования. Потом до меня дошло, что сейчас только десять минут десятого. Конечно, еще рано, и в спальне ей делать нечего.

Поэтому я вернулся к лифту и спустился в холл.

Там меня ждал Уоткинс.

– Мистер Эйткен сегодня не совсем хорошо себя чувствует, – сказал я, направляясь вместе с ним к парадной двери.

– Его немного лихорадит, сэр. Я полагаю, в этом нет ничего удивительного.

– Вы правы. Завтра вечером я приду снова.

– Не сомневаюсь, что мистер Эйткен с радостью ждет ваших визитов, – сказал Уоткинс, открывая дверь.

Мы попрощались, и я вышел. Стоял жаркий лунный вечер.

«Кадиллак» я оставил на площадке у лестницы и сейчас медленно пошел вниз. Спустившись, оглянулся на дом. Светилась только комната Эйткена, остальные смотрели на меня поблескивающими черными окнами. Где же она: уехала или, может быть, где-то в задней части дома?

Весь день я сторал от желания увидеть ее снова. Стоять и глазеть на огромный дом в надежде, что в одном из окон загорится свет и я увижу ее? Нет, это неразумно. Ведь из какого-нибудь темного окна за мной могли наблюдать миссис Хэппл или даже Уоткинс. Вздыхнув, я подошел к машине, открыл дверцу, кинул папку на заднее сиденье, а сам скользнул за руль.

Рядом, сложив руки на коленях, сидела она. В машине было темно, но я различил очертания ее головы; глядя на меня, она чуть склонила ее набок. Я знал, что это она. Будь это другая женщина, меня бы не бил такой озноб, а сердце не стучало бы так гулко.

Секунд, наверное, пять я завороченно смотрел на нее, ощущая легкий запах духов и слыша ее нежное прерывистое дыхание. Пять секунд – мир словно поплыл у меня перед глазами.

Этот миг я буду помнить всю свою жизнь.

II

– Здравствуйте, – сказала она. – Испугались? Я думала, вы еще не скоро придете.

– Пожалуй, есть немного. – Мой голос предательски скрипел. – Я не ожидал...

Она засмеялась.

– Это ваша машина?

– Моя.

– Какая замечательная! У меня это просто болезнь – машины. Когда я ее увидела, не смогла удержаться и забралась внутрь. Она мне нравится даже больше роджеровского «бентли». Могу спорить, ходит она быстро.

– Да, достаточно быстро.

Она откинулась на спинку сиденья и стала разглядывать обивку потолка. Луна, проникшая через окно, высветила ее профиль. Она была поразительно красива – у меня даже захватило дух.

– Роджер мне рассказывал о вас, – сообщила она. – Он говорил, вы будете его новым партнером.

– Это дело еще не решенное.

Я сидел вытянувшись как струна, руки на коленях сжались в кулаки. Я не мог прийти в себя от изумления: она рядом, она разговаривает со мной, словно мы знакомы всю жизнь.

– Я бы хотела жить в Нью-Йорке. – Она подняла руки и сцепила их на затылке. Под тонкой шерстяной кофточкой чуть приподнялись груди. – Здесь, в Палм-Сити, разве жизнь? Скучища. А вы как думаете?

– Наверное, в вашем возрасте это действительно скучно.

Повернув голову, она окинула меня оценивающим взглядом.

– Вы говорите так, словно вы уже старый, а вам, наверное, и тридцати-то нет?

– Мне тридцать один.

– Вы, должно быть, ужасно умный. Роджер мне сказал, что вы вкладываете в дело двадцать тысяч. Как это вам удалось в тридцать один год обзавестись такими деньгами?

– В основном это наследство от отца. Ну и кое-что я сумел отложить.

– И вы хотите вложить все эти деньги в дело Роджера?

Меня слегка покорило от бесхитростной прямоты ее вопросов.

– Можно подумать, для вас это очень важно, – сказал я.

– А для меня это и правда важно. – Она снова повернула голову и улыбнулась. – Мне всегда было интересно знать, как мужчины делают деньги. У девушки ведь только один способ разбогатеть – выйти замуж. А мужчины могут делать деньги самостоятельно. Конечно, так получаешь больше удовлетворения. Вам еще повезло, что отец кое-что оставил.

– Пожалуй, повезло.

Она чуть наклонилась вперед и провела рукой по панели приборов.

– Как мне нравится ваша машина! Научите меня водить, а?

– Здесь нечему учить. – Голос мой звучал неровно. – Почти полная автоматика. Нажимаете на стартер, и все – машина поехала.

Она взглянула на меня:

– Хотите верьте, хотите нет, но я ни разу в жизни не водила машину. У Роджера их четыре, а мне он ни к одной даже притронуться не дает.

– Почему?

– Он ужасный собственник. Если мне нужно куда-то ехать, я еду на велосипеде. С ума сойти! У него одна отговорка: «Ты не умеешь водить!» Вот если бы я научилась, ему бы некуда было деться и он дал бы мне машину. Научите меня?

Я не стал колебаться:

– Ради бога, если уж вы так хотите.

Она сцепила руки вокруг коленей и подтянула их к подбородку. На ней были светлые брюки.

– Я хочу этого больше всего на свете. Вы будете меня учить сейчас или у вас на вечер другие планы?

– Прямо сейчас?

– Если у вас есть время.

– Ну хорошо. Давайте поменяемся местами. – Я начал было вылезать из машины, но она потянула меня за рукав. От прикосновения ее пальцев кровь горячей волной прилила к позвоночнику.

– Не здесь. Они увидят и расскажут Роджеру. Лучше уедем куда-нибудь, чтобы нас никто не видел.

– Они? Кто это – они?

– Миссис Хэплл и Уоткинс. Вы видели миссис Хэплл?

– Видел.

– Не нравится она мне. Какая-то она скользкая. Вам не кажется?

– Откуда мне знать? Я вчера ее в первый раз увидел и ни словом с ней не обмолвился.

– Она меня не любит. Только и ищет, на чем меня зацепить. А Роджер ее слушается.

Мне вдруг открылась вся опасность происходящего.

– Если мистер Эйткен не хочет, чтобы вы учились водить...

Ее рука легла мне на запястье, и слова застряли у меня в горле.

– Неужели вы такой же, как остальные, и тоже боитесь его? Если так, я найду себе другого учителя.

– Я его не боюсь, но поступать против его желания мне бы не хотелось.

Снова – склоненная набок голова, снова – оценивающий взгляд.

– Ну а мои желания – они ничего не значат, да?

Наши глаза встретились. Я отвел взгляд и включил зажигание.

– Если хотите научиться водить, я вас научу, – произнес я. Сердце учащенно забилося где-то под ребрами.

Я включил скорость и нажал на педаль газа. Машина пулей скользнула вдоль длинной подъездной дорожки. У ворот я притормозил, потом выехал на шоссе и снова как следует газанул.

Минут пять я гнал машину миль под девяносто, потом сбавил скорость, свернул на боковую дорогу и остановился.

– Вот это да! – восхищенно воскликнула она. – Вы настоящий ас! Никогда в жизни с такой скоростью не ездила.

Я вылез из машины и обошел ее.

– Перебирайтесь на мое место, – сказал я, открывая дверцу. – Место шофера – за баранкой.

Она скользнула по сиденью, а я сел рядом. Кожа еще хранила тепло ее тела, и в висках у меня застучало.

– Ничего сложного тут нет. Вот это – переключение передач. Этот рычаг чуть двигаете вниз, вот так, а потом правой ногой нажимаете на педаль газа. Если хотите остановиться, убираете ногу с этой педали и нажимаете на другую педаль, побольше, слева. Это тормоз. Поняли?

– Так это же совсем просто! – И не успел я глазом моргнуть, как она хлопнула по переключателю передач и лихо нажала на газ.

Словно обезумевший зверь, машина кинулась вперед. О вождении жена Эйткена не имела никакого понятия. Она, кажется, даже не смотрела, куда едет.

Я был настолько ошарашен, что несколько секунд сидел как истукан. За эти секунды машина вырвалась с дороги, взлетела на заросший травой склон, скатилась с него на противоположную сторону, отчаянно при этом буксуя правыми колесами, потом снова выскочила на дорогу. По другую сторону дороги находилась живая изгородь, и мы уже были готовы врезаться в нее, но тут я сграбастал руль и вывернул машину.

– Ногу с газа! – заорал я и тут же сбросил ее ногу с педали. Не отпуская руль, я нажал на тормоз, и машина резко остановилась.

Это были веселенькие секунды! Еще чуть-чуть – и мы бы разбились ко всем чертям.

Я выключил зажигание и повернулся к ней.

Мне было хорошо ее видно, потому что в открытое окно машины светила луна.

На ее лице я не прочел и тени испуга – она улыбалась. Она была так хороша собой, что у меня комок подкатил к горлу.

– Она, оказывается, вон какая сильная, – протянула она. – А я тоже хороша – нажимала изо всех сил. Надо было полегче. Давайте еще разок.

– Погодите, – остановил ее я. – Это совсем не лучший способ покончить жизнь самоубийством. Ногой нужно не топтать, а...

– Я знаю, – нетерпеливо перебила она. – Можете не говорить. Я слишком сильно нажала на газ. Давайте попробуем еще разок.

– Только смотрите, пожалуйста, на дорогу, когда едете. Главное – ехать прямо.

Она быстро взглянула на меня и засмеялась:

– Эта машина застала меня врасплох. Я и не думала, что она такая мощная.

– А меня застали врасплох вы, – попытался пошутить я, включая зажигание. – Только не спешите. На газ жмите плавно.

– Да-да, знаю.

Она поставила в нужное положение переключатель передач и поехала со скоростью миль двадцать в час. Рулем она совсем не владела – это было ясно. Машина сразу завихляла, то заезжая на траву, то снова выбираясь на дорогу, но сейчас мы ехали с небольшой скоростью, к тому же я был начеку и положил руки на руль. Метров пятьдесят мы проехали прямо.

– Если вы все будете делать сами, я ничему не научусь. – И она оттолкнула мои руки.

Машину тотчас понесло к изгороди. В последний момент я успел нажать на тормоз.

– Что-то туго у нас идет дело, – озабоченно сказал я. – Неужели мистер Эйткен ни разу не пробовал научить вас водить?

– Роджер? – Она засмеялась. – Что вы, у него бы терпения не хватило.

– Вы пытаетесь ехать быстро, а за дорогой не смотрите. Давайте попробуем еще раз, только совсем медленно.

На этот раз ей удалось на скорости миль пятнадцать проехать сотню метров точно по центру дороги.

– Ну вот, – похвалил ее я, – это совсем другое дело. Так и ежайте дальше, потихоньку разберетесь, что к чему.

Тут я заметил, что навстречу нам, сверкая фарами, быстро движется машина.

– Возьмите вправо, – велел я, – и двигайтесь тихонько. Смотрите за дорогой.

Она забрала вправо слишком круто и слишком далеко, и правыми колесами машина заехала на травяной бордюр. Встречная машина, переключив дальний свет на ближний, приближалась. Я был уверен, что в следующий миг моя ученица захочет съехать с травы и повернет руль чуть влево – вполне достаточно, чтобы врезаться во встречную машину, – поэтому я нажал на тормоз, и «кадиллак» с легким толчком остановился. Машина с ревом пронеслась мимо нас и умчалась в темноту.

– Почему вы не дали мне разъехаться с ним самой? – чуть капризным тоном произнесла она. – Я бы справилась.

– Не сомневаюсь, но все-таки это моя единственная машина.

Она посмотрела на меня и рассмеялась:

– А как здорово! Мне все больше и больше нравится. Скоро я смогу водить, я чувствую. Надо спросить у Роджера: может, он хоть одну из своих машин даст мне покататься. А если нет, вы будете иногда давать мне вашу?

– Прежде чем выступать соло, вам нужно еще как следует поучиться.

– Но когда я все-таки научусь, дадите?

– Хорошо, только будет трудно увязать со временем. Я ведь каждый день езжу на ней на работу.

– Ну, может быть, когда она мне разок понадобится, вы съездите на работу автобусом?

– Это, конечно, мысль, но, честно говоря, ездить автобусом мне не особенно улыбается.

К тому же мне и во время работы приходится много ездить.

– Ну, хоть иногда вы могли бы взять такси, разве нет?

– Пожалуй, мог бы.

Она чуть прищурилась.

– Короче говоря, давать мне свою машину вам неохота, – мягко произнесла она. – Правильно?

Конечно же, я уступлю и дам ей машину, потому что я уже обожал ее, до дрожи в коленях. Кажется, она, слава богу, этого еще не заметила.

– Дело не в этом, – сказал я. – Я просто боюсь, что вы кого-нибудь стукнете либо кто-то стукнет вас. У вас же нет никакой практики, как же вы поедете одна? А куда вы, кстати говоря, собираетесь ехать?

– А мне все равно – куда. Главное – вести машину и ехать быстро, чтобы в ушах свистел ветер. Это моя давняя мечта.

– Хорошо, когда я увижу, что вы ездите достаточно уверенно, я дам вам машину.

Она взяла меня за руку. От прикосновения этих холодных пальчиков можно было сойти с ума.

– Вы серьезно?

– Серьезно.

– И я смогу брать машину, когда захочу? Стоит только позвонить и сказать, когда она мне будет нужна, и вы разрешите?

– Разрешу.

– Честно?

– Да, честно.

Несколько мгновений она не сводила с меня глаз, потом мягко пожала мою руку.

– Вы ужасно милый и добрый.

– Я бы этого не сказал. – Голос мой почему-то звучал хрипло. – В общем, если машина вам понадобится, вы ее получите. А теперь давайте попробуем еще разок. Посмотрим, может, дело пойдет лучше.

– Давайте, – согласилась она и повернула ключ зажигания.

Мы поехали по дороге. На этот раз она вела машину вполне сносно, и, когда мимо с ревом пронеслись две машины, ей удалось разъехаться с ними, даже не шарахнувшись в сторону.

– Кажется, теперь лучше, – довольно произнесла она. – Я начинаю ее чувствовать. – И она увеличила скорость.

Я чуть придвинулся к ней, чтобы успеть в случае чего схватить руль. Ногу я поставил поближе к тормозу, но она вела машину прямо и через несколько мгновений дала такой газ, что стрелка спидометра взлетела к восьмидесяти.

– Давайте-ка потише, – предупредил я. – Это для вас слишком быстро.

– Вот это ощущение! – воскликнула она. – Мне всегда хотелось ездить с такой скоростью. Вот это машина! Просто чудо!

– Сбросьте газ! – резко перебил ее я и потихоньку поставил ногу на педаль тормоза.

Из ночи, сверкая фарами, навстречу нам неслась машина. Мы же ехали прямо по центру дороги. Я нажал на тормоз.

– Прижмитесь вправо!

Она крутанула руль вправо, но перестаралась. Я вовремя как следует прижал тормоз, иначе мы выскочили бы на траву и вполне могли перевернуться. Схватив руль, я вывернул машину, и как раз в эту минуту мимо нас на всех парах пролетела машина, разрывая тишину громким гудком сигнала.

Я остановил «кадиллак».

– Зачем вы это сделали? – укоризненно сказала она. – Я так хорошо ехала.

– Ехали-то вы хорошо. – Для одного вечера этого было вполне достаточно. Казалось, еще чуть-чуть – и нервы мои не выдержат. – Но пока у вас мало практики. Поэтому на сегодня хватит. Теперь поведу я.

– Ну ладно. – Она взглянула на часы, встроенные в панель приборов. – Ничего себе! Мне пора возвращаться, а то он, чего доброго, начнет меня искать.

Эти слова как бы сделали нас заговорщиками, и во рту я ощутил какой-то странный сладковато-горьковатый привкус.

– Пожалуйста, поезжайте побыстрее, – попросила она, когда мы поменялись местами. – Быстро-быстро, ладно?

Я нажал на газ. Через несколько секунд машина понеслась сквозь ночь со скоростью девяносто миль в час.

Обхватив руками колени, она во все глаза смотрела вперед сквозь ветровое стекло, где по дороге впереди нас, как взнузданные кони, скакали два пучка света. Казалось, она на вершине блаженства – скорость дурманила ее, словно наркотик.

Без двадцати одиннадцать мы были у ворот «Гейблз».

– Как здорово вы водите! – В голосе ее слышался восторг. – Мне ужасно понравилось. Вот так бы и мчалась всю жизнь! Когда у меня будет второй урок?

Секунду я колебался. В глубине души я сознавал, что эта авантюра может принести массу неприятностей.

– Послушайте, – сказал я. – Я совсем не собираюсь портить вам жизнь. И если ваш муж не хочет, чтобы вы учились водить...

Ее холодные пальчики обхватили мое запястье.

– Так он же ничего не будет знать. Ну как он узнает?

Это прикосновение убило во мне последние капли рассудка.

– Завтра я приеду сюда в восемь, – сказал я. – Где-то после девяти мы, наверное, покончим с делами.

– Я буду ждать вас в машине. – Она открыла дверцу и выскользнула наружу. – Вы даже не представляете, какое удовольствие вы мне доставили. Кругом такая скука, я уж и не помню, когда мне выпадало столько радости и наслаждения. Я просто счастлива.

При свете луны я увидел, что жена Эйткена была в лимонного цвета брюках и бутылочном свитере. Под свитером угадывались такие формы, что у меня захватило дыхание.

– Меня зовут Люсиль, – сказала она. – Запомните?

Я сказал, что запомню.

Она взглянула на меня и улыбнулась.

– Ну тогда до завтра. Спокойной ночи.

Помахав мне на прощание, она пошла по длинной подъездной дорожке в сторону дома. Я смотрел ей вслед, сжав баранку до боли в пальцах, пока Люсиль не скрылась из виду.

Она проникла в мою кровь, как вирус, да-да, таящий смертельную опасность вирус.

Не помню, как я доехал до дома. Не помню, как разделся и лег.

Знаю только, что эту ночь я провел без сна.

Разве я мог спать, если душа моя сгорала в ожидании следующей встречи? Неужели я увижу ее не через год, не через десять лет? Неужели это случится завтра?

Глава третья

I

Следующие три дня жизнь моя текла по установленному распорядку. Каждое утро в девять часов я приходил на работу, уходил в семь, в итальянском ресторанчике у обочины ведущего к «Гейблз» шоссе проглатывал легкий ужин и ровно в восемь звонил в дверь большого дома. Часа полтора мы с Эйткеном обсуждали все текущие дела, потом я уходил и садился в «кадиллак», где меня ждала Люсиль.

Ради этого момента я и жил все последние дни. Все остальное превратилось в вынужденную обязанность, от которой я хотел отделаться как можно быстрее. И лишь когда я говорил Уоткинсу: «Спокойной ночи» – и слышал, как за мной закрывалась парадная дверь, тогда, и только тогда, я действительно начинал жить.

С половины десятого до одиннадцати мы с Люсиль колесили по пустым улицам, избегая оживленных главных магистралей. Говорили мало: во время разговора она никак не могла сосредоточиться на вождении, и машина начинала вилять из стороны в сторону. Кроме того, ощущение власти над «кадиллаком» приводило ее в неопиcуемый восторг, и прерывать это упоение мне не хотелось. И только когда машина подкатывала к железным решетчатым воротам «Гейблз», несколько минут мы разговаривали.

За эти три вечера я влюбился в нее до такой степени, что мне стоило огромных усилий не выказывать своих чувств.

Никаких признаков поощрения с ее стороны я не замечал. Она обращалась со мной как с другом, общество которого ей приятно, и не более того.

Гораздо больше меня беспокоило мое собственное к ней отношение. Я был уверен, что при малейшем поощрении с ее стороны я не смогу удержать себя в руках.

Я прекрасно сознавал, что играю с огнем. Узнай Эйткен о том, что происходит за его спиной, он тут же выбросит меня вон. В первый вечер она сказала, что он ярый собственник. Я сам знал его достаточно хорошо и не сомневался: он и секунды не потерпит, чтобы я развлекался с его женой, пусть даже наши отношения будут десять раз платоническими. Нужно прекратить эти встречи, пока не поздно, говорил я себе, но потом убеждал себя: раз Люсиль в меня не влюбляется, никакого вреда наши занятия принести не могут.

Когда мы прощались в конце третьего вечера, я напомнил ей, что завтра вечером не приеду.

– Мистер Эйткен отпускает меня на выходные, – объяснил я. – Так что завтра меня не будет.

– Что же, значит, завтра я останусь без урока? – спросила она, круто повернувшись ко мне на сиденье.

– Да, теперь только в понедельник вечером.

– Вы куда-нибудь уезжаете?

– Нет, никуда.

– Так почему вы не можете приехать, как всегда? В дом не входите, встретимся прямо здесь. Или вам не хочется?

– Дело не в том, что мне не хочется. Просто временами меня это беспокоит, – ответил я, глядя на нее. – Ведь, если о наших уроках узнает ваш муж, он придет в бешенство.

Она засмеялась – смех у нее был на редкость заразительный, – положила обе руки мне на запястье и легонько его качнула.

– Он просто лопнет от злости. Ну и пусть лопается, правда? Да все равно он ничего не узнает.

– Но вас могут увидеть Уоткинс или миссис Хэплл...

– Они никогда не выходят по вечерам, но давайте знаете что сделаем? Встретимся у вас. Я приеду на велосипеде. Можно? Я очень хочу посмотреть, как вы живете.

Сердце мое неистово заколотилось.

– Лучше не надо. Нет, приезжать ко мне вы не должны. Если вы хотите получить завтра урок, я приеду сюда ровно в девять, но только если вы очень этого хотите.

Она открыла дверцу и выскользнула из машины, потом повернулась и посмотрела на меня через открытое окно.

– Вы ужасно милый, Чес, – произнесла она. – Скажите, я ведь делаю успехи, а? Скоро уже смогу сдавать на права?

– Да, успех налицо, – хрипло произнес я. Ну почему я не могу обнять ее и прижаться губами к ее губам, таким манящим? – Ладно. Увидимся завтра.

Дома я приготовил себе двойной виски с содовой, сел в кресло и принялся обдумывать положение.

С нашей первой встречи прошло пять дней, но в жизни своей я не влюблялся так сильно. Понимала ли она это? Или вполне искренне верила, будто я готов рисковать расположением Эйткена только ради того, чтобы поучить ее водить машину? Неужели она настолько наивна? В этом надо разобраться.

Меня сильно беспокоило ее предложение приехать ко мне. Я как-то говорил ей, что мой филиппинец уходит в семью и что живу я один. Что же это – намек, что она готова ответить мне взаимностью?

Это маловероятно, с неохотой признался я себе. Я был для нее услужливым другом, который любезно согласился научить ее водить машину и который доставлял ей массу удовольствия, не ожидая ничего получить взамен. Во всяком случае, предполагать что-то другое у меня не было никаких оснований.

Далее, говорил я себе, надо выяснить еще одно: понимает ли она, как я рискую? Я ведь ставлю на карту свое будущее. Если Эйткен узнает о наших встречах, моя предстоящая нью-йоркская одиссея рассеется как дым.

Я долго не мог заснуть. Естественно, на работу я пришел невыспавшийся и злой и был счастлив, когда рабочий день окончился. Я захватил с собой кое-какие бумаги, решив посмотреть их в выходные.

В эту минуту вошла Пэт – она с ангельским терпением сносила мою раздражительность – и дала мне на подпись еще несколько писем.

– Черт подери! – рявкнул я. – Неужели я еще не все подписал?

– Здесь всего шесть писем, – миролюбиво ответила она.

Вытащив ручку, я поспешно нацарапал на письмах свою подпись, затем выпрямился и сказал:

– В понедельник приду пораньше. А сейчас смываюсь. Уже больше шести?

– Почти половина седьмого. Куда-нибудь уезжаешь?

Я исподлобья взглянул на нее:

– Не знаю. Возможно. Может, поиграю в гольф.

– Надеюсь, хоть немножко отдохнешь. Не переживай, Чес, у тебя все идет отлично.

В любое другое время я обязательно воспрянул бы духом после такой похвалы, но сейчас только разозлился.

– И не думаю переживать, – бросил я. – В понедельник увидимся. – И, кивнув, вышел, читая в ее удивленных глазах обиду.

Когда я проходил по коридору, из своего кабинета вышел Джо:

– До вокзала подвезешь?

– Давай.

Сейчас его общество было мне совсем ни к чему, но отказать я не мог – он знал, что по дороге домой я еду мимо вокзала.

В лифте Джо спросил:

– Сегодня ты к Р. Э. едешь?

– Нет. На выходные он меня отпустил. Хочу почитать вассермановский телевизионный сценарий. Мельком я его уже проглядел, вроде бы неплохо.

– Что ты все работаешь и работаешь, надо и отдыхать немножко, – неодобрительно произнес Джо. – У тебя уже нервы не выдерживают. Что-нибудь не в порядке?

– Да все в порядке, – отрезал я, пробираясь через толпу к стоянке.

Мы сели в машину.

– А чего же ты последние два дня на людей бросаешься? Сегодня днем Паола до слез довел.

– Кретинка твоя Паола! Три раза я ее просил соединить меня с Вассерманом – и все без толку.

– Так он же куда-то уезжал! А волшебной палочки у нее нет.

Я завел двигатель.

– Какого черта, Джо? Мне твоя критика совершенно не нужна.

– Ну вот, пожалуйста, – хмыкнул Джо, устраиваясь поудобнее на сиденье. – Теперь, стало быть, моя очередь. Если ты, друг любезный, считаешь, что ты у нас теперь крупная птица и держать себя надо соответственно, я тебя одергивать не собираюсь. Просто советую чуть сбросить обороты. Уж слишком ты весь окунулся в работу.

Конечно же, он был прав, и мне вдруг стало стыдно.

– Извини, старик. В понедельник я буду в норме.

– Да брось ты, – великодушно заявил Джо. – Ясно, на твоей шее сейчас висит много собак. – Он сменил тему разговора: – Машинка у тебя на зависть – такая красавица!

– Я всегда мечтал о «кадиллаке». Кошельком, правда, пришлось здорово потрясти, но она того стоит. Она у меня уже полтора года, а я все не нарадуюсь.

– Понятно. Если нью-йоркское дело выгорит и если Р. Э. поднимет мне зарплату, куплю себе такую же. Уж как-нибудь поднатужусь.

– Если мы получим эту работу в Нью-Йорке, Джо, повышение тебе будет – это я беру на себя.

– А никаких новых разговоров не было насчет Нью-Йорка? Р. Э. про это не вспоминал?

– Говорил вчера вечером. По-моему, дело в шляпе. Он спрашивал, когда я смогу внести деньги.

– А ты уверен, Чес, что ничем не рискуешь, вкладывая деньги в одно с ним дело?

– Абсолютно. Открыть агентство в Нью-Йорке – что может быть лучше! Вложив долю, я, помимо зарплаты, буду получать пять процентов от общего дохода. Надо быть идиотом, чтобы упустить такую возможность. Вести дела я буду более или менее самостоятельно, так что свою долю в обиду не дам.

– Эх, если бы у меня были сейчас деньги! – вздохнул Джо. – Пять процентов от общего дохода! Так ты быстро сколотишь капиталчик, Чес.

Руки мои крепче сжали руль. Сколочу капиталчик, подумал я, если Эйткен не разнюхает про мои амурные дела. А капиталчика этого может хватить и на то, чтобы увести Люсиль от Эйткена.

– Многое будет зависеть от нас самих, Джо, как поставим дело.

– И когда у тебя будут денежки?

– Я сказал своим маклерам, чтобы продавали акции. Деньги будут через несколько дней. На рынке ветер как раз дует в мою сторону, так что и здесь повезло, никакой задержки не будет.

У вокзала я сбавил скорость.

– Ну, спасибо, Чес, – сказал Джо, вылезая из машины. – Может, когда-нибудь я откуплю у тебя эту тележку. – И он похлопал «кадиллак» по крылу. – Ты-то, когда переберешься в Нью-Йорк, zahахнешься небось на «эльдорадо»? Ну что, продашь мне эту красотку?

– Ты сначала деньги скопи, потом поговорим, – отшутился я. – Но в принципе все возможно. Ну, пока. Счастливо отдохнуть.

И я поехал к своему бунгалю.

II

Без одной минуты девять я подкатил к высоким железным воротам, охранявшим вход в «Гейблз».

В тени деревьев меня ждала Люсиль.

Быстрыми шагами она пошла мне навстречу, и я распахнул дверцу водителя. На Люсиль было светло-голубое платье с расклешенной юбкой, а волосы перехвачены узкой лентой. Едва ли нашелся бы мужчина, который устоял бы перед таким очарованием.

Я подвинулся на сиденье, и она скользнула под баранку.

– Привет, – с улыбкой произнесла она. – Какая точность! Как вам нравится мое платье? Я его надела специально для вас.

– Оно сногшибательно, – не удержался я. – Как и вы сами.

Она счастливо засмеялась.

– Вы так думаете? Честно?

– Честно.

Наверное, что-то в моем голосе насторожило ее, потому что она быстро взглянула на меня. Однако я сидел спиной к луне, и видеть выражение моего лица она не могла.

– Ну, куда поедем? – спросила она. – Давайте к океану.

– Согласен.

В этот вечер жажды скорости у нее не было. Она ровно держала двадцать миль в час и на этой скорости вела машину вполне прилично.

Свернув с шоссе, мы проехали немного по боковой дороге, а потом выбрались на узкую грунтовую, ведущую прямо к океану.

Она вела машину расслабленно, что-то мурлыкая себе под нос, руки лежали на руле спокойно, не сжимая его мертвой хваткой. Я с горечью подумал, что скоро она будет готова сдать на права и нашим урокам придет конец.

Мы медленно ехали по грунтовой дороге. После крутого поворота мы увидели перед собой широкую полосу песка, пальмы и океан, светившийся зеркалом в лунном свете.

– Какая красота! – восхищенно произнесла она. Это были ее первые слова после того, как мы отъехали от «Гейблз». – Вы даже не представляете, Чес, сколько удовольствия я получаю от вождения. А вожу я уже неплохо, верно? Нет, правда, сейчас уже ничего?

– Кое-чем похвастаться можно. Но сдавать на права еще рановато. К примеру, вы не пробовали подавать машину назад. Может, хотите рискнуть сейчас?

Она покачала головой:

– Не сейчас.

Пустынной дорогой мы съехали к пляжу. Люсиль притормозила, чуть повернула руль, и машина свернула с дороги на твердый песок. Люсиль выключила зажигание.

Сжав вспотевшие руки, я сидел не двигаясь, сердце мое замерло. Нас окружали песок и пальмы, дальше простирался океан. Стальной свет луны освещал пляж на мили. Пляж был абсолютно пустынным: ни людей, ни машин – ничего. Можно было подумать, что, кроме нас двоих, во всем мире никого нет.

– Я буду купаться, – заявила Люсиль. – А вы?

Такого предложения я не ожидал, и оно застало меня врасплох.

– Кажется, вы собирались учиться водить. У нас не так уж много времени. Сейчас без двадцати десять.

– Я сказала Роджеру, что иду в кино, так что он меня ждет не раньше двенадцати. – Она открыла дверцу и выпрыгнула на песок. – Здесь совсем никого нет. Весь пляж принадлежит нам. Если не хотите купаться, подождите меня в машине.

И она побежала по песку к раскидистым пальмам.

Почти целую минуту я смотрел ей вслед. Что ж, наверное, это ответ на вопрос, который мучил меня всю ночь. Разве она привезла бы меня в такое уединенное место, если бы не хотела сблизиться со мной?

Я не обратил внимания на колокольчик, отчаянно зазвеневший у меня в мозгу. «Это жена Эйткена, – вызванивал он. – Сделай еще один шаг – и будешь жалеть об этом всю жизнь».

Но я отмахнулся от колокольчика. Тяжело дыша, с колотящимся сердцем, я вылез из машины.

Я хорошо видел Люсиль. Она уже добежала до пальм. Там она остановилась, сбросила туфли, потом расстегнула молнию на платье и, дернув плечами, высвободилась из него. Под платьем оказался купальник.

Я обошел машину, открыл багажник и вытащил оттуда пару полотенец и плавки – на всякий случай я всегда возил их с собой. Переодевшись, я оставил одежду на песке и побежал за Люсиль – она медленно шла к воде.

Я догнал ее, и она с улыбкой обернулась:

– Я была уверена, что вы придете. Знаете, я всегда мечтала искупаться при луне, но Роджер мне никогда этого не позволял. Ему все какие-то опасности мерещатся.

– Похоже, вы только тем и занимаетесь, что нарушаете запреты мужа, – и все это при моем участии, – заметил я, шагая с ней рядом по горячему песку.

– Вот поэтому вы мне и нравитесь, – хитро улыбнулась она.

Когда до воды осталось несколько метров, она вдруг побежала и с легким всплеском упала на океанские волны.

Если ее успехи в вождении были пока невелики, то в плавании она знала толк – это было сразу видно. Я понял, что пытаться догнать ее – дело бесполезное. Проплыв метров сто, она развернулась и почти так же быстро поплыла обратно.

Она сделала несколько кругов вокруг меня.

– Ну как, довольны, что согласились?

– Как будто да.

Я лег на спину. Вода была теплая, но оценить всю прелесть природы я просто не мог. Я думал лишь об одном: скорей бы она наплавалась и вышла из воды.

Она отплыла в сторону, потом снова приблизилась и некоторое время плавала вокруг меня.

Так мы молча плавали несколько минут, и это были самые длинные минуты в моей жизни. В конце концов нервы у меня не выдержали.

– Давайте возвращаться.

Я поплыл к берегу, она – рядом.

Мы вышли из воды и зашагали к тому месту, где она оставила платье. Вдруг она спросила:

– А что вы делаете завтра, Чес?

– Не знаю... Ничего особенного. Может, поиграю в гольф.

– А что, если нам с вами завтра встретиться? Вообще-то, меня завтра приглашала подруга, но я легко могу отговориться. Мы с вами укатили бы куда-нибудь за город.

Мы стояли в тени пальм. Я поднял полотенца и одно бросил ей, а вторым стал вытирать голову.

– Нас могут увидеть, – возразил я, опускаясь на песок.

Она обтирала плечи. За ее спиной блестела луна.

– Мы будем осторожны. Я могу приехать к вам на велосипеде, а там будем держаться подальше от главной дороги.

– Думаю, встречаться среди бела дня неразумно, Люсиль. Нас может увидеть кто угодно.

Она бросила полотенце на песок, села рядом со мной, обхватила руками колени и подтянула их к подбородку.

– Это ужасно, да?

– Вот именно.

– А как было бы здорово укатить куда-нибудь на весь день! Мы бы с вами устроили пикник. Может, рискнем?

– Вы действительно хотите рискнуть? – спросил я внезапно охрипшим голосом.

– Просто я думаю, что никто нас не увидит. Я надену большую шляпу, темные очки, изменю прическу. Могу спорить, никто меня не узнает.

– Но вы бы не хотели, Люсиль, чтобы вашему мужу стало об этом известно?

Она уперла подбородок в колени.

– Нет, конечно.

– А что он сделает, если узнает?

– Ясно, он будет метать громы и молнии, но к чему говорить об этом? А что, если я просто приеду к вам? Мы бы провели вместе целый день. У вас там, кажется, безлюдное местечко? Мы бы поплавали, устроили бы пикничок. И никто бы нас не видел.

– Вы это серьезно?

На какой-то момент она задумалась, потом поднялась с песка.

– Да нет, наверное; нет. – Она поехала. – Что-то холодно стало. Пойду оденусь.

Она подхватила платье и туфли и побежала к машине. Я словно окаменел, руки крепко сжимали полотенце. Прошло, наверное, минут десять. Вдруг я услышал, что она зовет меня:

– Чес...

Я не пошевелился. Даже не обернулся.

– Вы не идете, Чес?

Я продолжал сидеть не двигаясь.

Раздались шаги ее босых ног по песку, и через мгновение она была рядом.

– Вы не слышали, как я вас звала?

Ее стройные красивые ноги находились на уровне моих глаз. Я поднял голову. Она была в платье, но я сразу увидел – надето оно на голое тело.

– Сядьте. Мне нужно с вами поговорить.

Она села чуть поодаль, подобрав под себя ноги.

– Да, Чес?

– Вы действительно хотите, чтобы завтра мы куда-нибудь поехали вдвоем и устроили пикник?

Луна ярко освещала ее лицо. На нем было написано удивление.

– Но вы же сказали...

– Не важно, что я сказал. Так вы хотите?

– Ну да, конечно хочу.

– Прекрасно. Скажите своему мужу, что вы хотите провести день со мной, и, если он согласится, я к вашим услугам.

Она вздрогнула:

– Но я не могу этого сделать. Вы же знаете. Он и понятия не имеет, что мы знакомы.

– Ну так скажите ему, что мы познакомились.

– Я не понимаю... – Она чуть наклонилась вперед и взглянула мне в лицо. – У вас такой сердитый голос, Чес. Что случилось?

– Скажите ему, что мы познакомились, – повторил я, не глядя на нее.

– Но я же не могу. Ему это не понравится.

– Интересно, почему?

– Чес, давайте прекратим этот разговор. Вы не хуже меня знаете – почему.

– Я не знаю, объясните мне.
– Он всегда меня так глупо ревнует. Он просто не поймет.
– Чего не поймет?
– Чес, не будьте таким злым. Что случилось?
– Я спрашиваю: чего он не поймет? – с нажимом произнес я и, повернув голову, посмотрел ей в глаза. – Объясните мне, чего именно он не поймет.
– Он не любит, чтобы я общалась с другими мужчинами.
– А это почему? Он что, вам не доверяет?
Напрягшись, она молчала, только во все глаза глядела на меня.
– Может быть, он боится, что, если вы будете общаться с другими мужчинами, у него вырастут рога? – зло спросил я.
– Чес! Ну что случилось? Почему вы вдруг так рассердились? Почему вы говорите со мной в таком тоне?
– Может, он боится, что у него вырастут рога, если вы будете общаться со мной?
– Я не знаю... Чес, ну пожалуйста, зачем вы так... Если вы не перестанете, я уйду.
– Зачем я так? – с трудом сдерживаясь, переспросил я. – Вам не нравится? Но вы же не целомудренное дитя, а замужняя женщина и должны хорошо понимать, какие мысли бродят в голове у мужчины, когда очаровательная молодая женщина привозит его в уединенное место, где нет ни души, к тому же далеко не в детское время. Или вы настолько глупы, что не понимаете этого?
Она дернулась назад, как от удара. На лице ее застыли потрясение и гнев.
Я подался вперед и заглянул ей в глаза.
– Вы влюблены в меня, Люсиль?
Она вздрогнула.
– Влюблена в вас? Нет, откуда вы взяли? Что вы такое говорите, Чес?
Черная желчь разочарования затуманила мне рассудок.
– Так какого черта вы притащили меня сюда? Какого черта вы навязываетесь? – Мой голос зазвенел. – За кого вы меня принимаете? Или вы думаете, что я каменный?
– Я уйду...
Она начала подниматься. Я схватил ее за руку и потянул к себе. Она упала мне на колени, спина выгнулась. Наши лица оказались рядом.
– Чес! Отпустите меня!
– Я не каменный, – пробормотал я, чувствуя, как стучит кровь в висках, и впился в ее губы. Она стала сопротивляться, причем, к моему удивлению, в этом хрупком теле оказалось довольно много силы. С трудом понимая, что происходит, я пытался подмять ее под себя. Но тут ей удалось высвободить одну руку, и она со всего маху хлестнула меня по лицу.
Удар сразу же привел меня в чувство.
Я отпустил ее, она вскочила на ноги и побежала к машине.
Я сидел не двигаясь и смотрел в сторону океана. Вдруг в тишине затарахтел двигатель моего «кадиллака».
Я вскочил на ноги.
«Кадиллак» уже двигался.
– Люсиль! Остановитесь! Люсиль!
Мотор взревел, машина, прыгая по кочкам, сделала немыслимый разворот и помчалась по дороге.
– Люсиль!
Я бросился вдогонку, но тут же остановился.
Сжав кулаки, я стоял и слушал ровный гул двигателя моего «кадиллака». Постепенно гул затих.

Глава четвертая

I

Мне потребовалось сорок минут, чтобы добраться до дома пешком.

Все это время я мрачно размышлял над сценой, которая произошла у меня с Люсиль. Как я мог позволить себе такое? Это было какое-то затмение. Вот ты и получишь по заслугам, говорил я себе, если Люсиль возьмет и расскажет все Эйткену. Очень возможно, что в эту самую минуту она ему и рассказывает. Я был настолько себе противен, что даже не думал о последствиях. Думал я только об одном: о ее реакции на вопрос, любит ли она меня. Снова и снова перед моими глазами вставало ее испуганно-удивленное лицо, снова и снова звучал в ушах ее ответ: горькие слова отдавались в мозгу безжалостным эхом.

Мое бунгало стояло в небольшом саду, метрах в пятидесяти от океана. Ближайший дом, принадлежавший богатому маклеру Джеку Сиборну, находился в четверти мили дальше по дороге. Он был почти всегда пуст – Сиборн обычно проводил здесь один из летних месяцев.

Я поднялся к бунгало со стороны пляжа и увидел, что у ворот стоит какая-то машина. Подойдя вплотную, я узнал собственный «кадиллак».

Тут же из темноты вышла Люсиль.

– Чес...

Я остановился. Потом уставился на нее.

– Я пригнала вашу машину, – сказала она слабым голосом.

– Извините меня, Люсиль. Я потерял голову...

Она тоже остановилась. Нас разделяло метра два.

– Не надо об этом.

– Я отвезу вас.

– Давайте сначала зайдем в дом. Я должна вам что-то сказать.

– Лучше не надо. Поехали, я отвезу вас домой. В машине вы мне все скажете.

Она подняла с плеч свои густые волосы – я смутно уловил в этом жесте отчаяние.

– Ну пожалуйста, зайдемте на минуту в дом.

Светила полная луна, и я хорошо видел Люсиль. Она вся дрожала, а в глазах застыл ужас.

Мне стало не по себе.

– Поговорим по дороге. Вам надо возвращаться... – Я смолк, потому что она вдруг качнулась. Я бросился вперед и успел вовремя подхватить ее – она уже падала. – Люсиль! Ах, черт! Что с вами?

Она вся обмякла, и я осторожно положил ее на землю. Опустившись рядом на колени, я приподнял ее голову – голова бессильно откинулась назад. Люсиль была белая как полотно и выглядела так плохо, что я совсем растерялся.

Веки ее шевельнулись и поднялись. Бессмысленным взглядом она посмотрела на меня, потом попыталась сесть.

– Сейчас пройдет, – сказал я. – Не надо двигаться.

Она ткнулась головой мне в плечо и снова закрыла глаза. Я просунул руку ей под колени и поднял ее. Она оказалась на удивление легкой, и я без особого труда донес ее до входа в бунгало.

– Опустите меня, – выговорила она. – И пожалуйста, простите. Со мной никогда такого не случилось.

Я осторожно поставил ее на ноги и, придерживая одной рукой, стал шарить по карманам в поисках ключа. Наконец я нашел его, открыл дверь, снова поднял Люсиль, внес ее в гостиную и положил на кушетку около окна.

– Лежите спокойно, – сказал я, вышел в холл и запер входную дверь. Потом вернулся в гостиную и включил свет.

Она лежала, глядя в потолок. Глаза напоминали две дырки в листе белой бумаги.

– Сейчас я вам приготовлю чего-нибудь выпить, – сказал я. – Вы не представляете, как я клянусь себя за несдержанность. Сейчас выпьете и сразу почувствуете себя лучше.

– Я не хочу, – прошептала она и, закрыв лицо руками, начала плакать.

Я подошел к бару, налил в стакан немного бренди и отнес его Люсиль.

– Выпейте, вам сразу станет лучше.

– Пожалуйста, не надо. – Она отвернулась. – Чес, мне страшно признаться, но я... повредила вашу машину...

– Повредили машину? Неужели из-за этого стоит падать в обморок? Перестаньте плакать, незачем из-за этого так убиваться.

Она повернулась на бок и посмотрела на меня. Ее мертвенная бледность могла испугать кого угодно. Кожу лица словно натянули, и глаза казались неммыслимо огромными.

– Я совсем этого не хотела. – Она вдруг затараторила, и я сразу даже не понял, о чем она говорит. – Он появился рядом и закричал на меня. Я не знала, что он был сзади, растерялась и не справилась с машиной. Толчок был ужасный. Вдоль всей дверцы большущая царапина, а крыло смято.

Я вдруг почувствовал, как по спине растекается холодок.

– Что-то я вас плохо понимаю. Вы что, сбили кого-то?

Она отвела взгляд и уставилась в потолок. Руки ее сжались в кулаки.

– Я не виновата, клянусь вам. Он выскочил откуда-то сзади и закричал на меня. Я его и не видела вовсе, пока он не закричал.

– Кого не видели? Кто закричал?

– Ну этот полицейский. На мотоцикле. Он появился сбоку и закричал...

Я осторожно поставил стакан с бренди, подошел к кушетке и сел рядом с Люсиль.

– Что вы так испугались? Расскажите все по порядку.

Она нервно застучала стиснутыми кулачками.

– Когда он начал кричать, машина у меня вильнула и боком ударила его... – Оборвав фразу, она снова заплакала.

Я сжал руками колени – так, что побелели костяшки пальцев.

– Слезам горю не поможешь, – резко сказал я. – Что было дальше? После того, как вы его ударили?

Она, вся дрожа, глубоко вдохнула воздух.

– Не знаю. Я поехала дальше. Не посмотрела...

На какое-то мгновение я окаменел, чувствуя, что сердце стучит тяжело и как-то заторможенно. Наконец я проговорил:

– Так вы что же, не остановились?

– Нет. Я ужасно испугалась. И сразу приехала сюда.

– Он ранен?

– Не знаю.

– Где это случилось?

– На дороге от пляжа, не доезжая до шоссе.

– А вслед вам он не кричал?

– Нет. Был только ужасный толчок, а больше ничего. Я поехала прямо сюда. Вас жду уже почти полчаса.

– Вы ехали быстро?

– Да.

Я долго смотрел на нее, потом поднялся.

– Сейчас вернусь. Пойду посмотрю машину.

Я выдвинул один из ящиков стола и вынул оттуда фонарь.

Я уже выходил из комнаты, когда Люсиль издала слабый мучительный стон.

По дорожке я подошел к машине и при свете луны сразу же увидел, что переднее левое крыло повреждено. Я включил фонарь – повреждение было основательное.

Передняя левая фара разбилась вдребезги, крыло помято. На дверце – глубокая вмятина, а во всю ширину рваной линией тянется рубец. Краска вокруг содрана.

Всю эту картину я охватил в одну секунду, потом обошел вокруг машины. На правом крыле около заднего колеса фонарь мой высветил густое красное пятно. Красным был забрызган и белый колпак на правом заднем колесе. Не требовалось особых знаний, чтобы понять: это кровь, и я смотрел на нее, чувствуя озноб и тошноту.

Судя по всему, она сшибла мотоцикл, мотоциклист вылетел из седла, и она переехала его задним колесом. И после этого не остановилась!

По лицу моему заструился холодный липкий пот. Ведь он, может быть, сейчас истекает кровью на дороге!

Я быстро вернулся в гостиную.

Она лежала в той же безжизненной позе и глядела в потолок. Дыхание ее было неровным и прерывистым, кулаки сжаты. Выглядела она ужасно.

Взяв свой стакан с бренди, я подошел к ней.

– Вот, выпейте, – предложил я. – И успокойтесь, от слез толку не будет.

Я приподнял ей голову и заставил немного выпить. Она отпила глоток, содрогнулась и оттолкнула стакан.

– Я поеду посмотреть, что случилось, – сказал я. – Ждите меня здесь. Постараюсь вернуться побыстрее.

Не глядя на меня, она кивнула.

Я взглянул на часы, стоящие на каминной полке. Было без двадцати одиннадцать.

– Ждите меня здесь. Долго я не задержусь.

Она снова кивнула.

Я подошел к «кадиллаку» и еще раз осмотрел разбитую фару и помятое крыло. Было бы безумием выводить машину на дорогу в таком состоянии. Стоит кому-нибудь меня увидеть, завтра он, прочитав сообщение в газетах, сразу об этом вспомнит. А газеты напишут, можно не сомневаться.

Но что же делать, ведь мне срочно нужна машина. Сиборн! Сиборн, владелец ближайшего дома, держит в гараже машину – он ею пользуется во время отпуска. Когда он бывал здесь, я к нему частенько заходил и знал, что ключ от гаража он всегда хранит на карнизе над дверью гаража. Надо взять его машину.

Я сел в «кадиллак» и быстро поехал к его дому. Там я оставил машину у ворот, подошел к гаражу, нашел ключ и открыл двойные двери.

Там стоял старенький, выдавший вида «пontiак». Я вывел его на дорогу, потом, оставив двигатель включенным, сел в свой «кадиллак» и загнал его в гараж, захлопнул и запер двери, а ключ положил в карман.

Сев в «пontiак», я помчался по шоссе. Через десять минут я подъезжал к ответвлению на пляжную дорогу.

У развилки я сбросил скорость. На обочине стояло штук шесть машин. Приглушенные фары бросали на дорогу пучки света. У машин, глядя в сторону пляжной дороги, стояла группа

мужчин и женщин. Въезд туда был перекрыт двумя мотоциклами, возле которых расхаживали двое полицейских.

Я поставил машину в конце колонны и ступил на асфальт.

Впереди меня поодаль от остальных стоял какой-то толстяк в сдвинутой на затылок шляпе. Он, как и все, глядел на полицейских.

Я подошел к нему.

– В чем дело? – спросил я, стараясь не выдать волнения. – Случилось что-нибудь?

Он обернулся. Было уже темно, а свет фар освещал только асфальт. Он мог хорошо видеть разве что мои ноги и едва ли узнал бы меня при следующей встрече.

– Несчастный случай, – ответил он. – Насмерть задавили полицейского. Больно лихая публика, сами так и лезут, так и прыгают под колеса, я всегда это говорил. Вот этот малый и допрыгался – перестарался.

На лице у меня выступил холодный пот.

– Насмерть?

– Да. А водитель даже не остановился. Впрочем, я его хорошо понимаю. Если бы мне выпало такое счастье – задавить полицейского без свидетелей, – черта с два я стал бы тут ошиваться с извинениями. Ведь, если этого парня поймают, они его четвертуют. Полицейские в нашем городе самые настоящие фашисты, я всегда это говорил.

– Задавили насмерть, вы говорите? – Я едва узнал собственный голос.

– Да, бедняга головой попал прямо под колесо. Он, наверное, стукнулся о бок машины и угодил под заднее колесо. – Он указал на высокого худощавого мужчину, деловито объяснявшего что-то остальным. – Вот он первый на него наткнулся. У этого несчастного было, говорит, не лицо, а кровавая губка.

Неожиданно один из полицейских решительно направился в сторону стоявших у обочины машин.

– Эй, вы, шайка стервятников! – зарычал он полным ненависти и злобы голосом. – С меня довольно! Убирайтесь отсюда! Поняли? Из-за таких скотов, как вы, все аварии и происходят! Чтоб вы сгорели вместе с вашими железными ящиками! Убирайтесь живо! Все убирайтесь!

Толстяк процедил сквозь зубы:

– Я же говорю – настоящие фашисты, – и зашагал к своей машине.

Я вернулся к «понтиаку», завел двигатель, развернулся и быстро поехал домой.

В гостиной, в большом кресле, съживившись, сидела Люсиль. Вид у нее был несчастный, беззащитный и затравленный, а цвет лица напоминал старый пергамент.

Когда я вошел, она замерла, пожирая меня испуганными глазами:

– Ну как, Чес, все в порядке?

Я подошел к бару, налил себе двойное виски, чуть разбавил водой и жадно выпил.

– Я бы этого не сказал, – произнес я, садясь в кресло.

Посмотреть ей в глаза – это было выше моих сил.

– О боже!..

Наступила долгая пауза. Потом она пробормотала:

– Ну а вы хоть... вам удалось увидеть?..

– Там была полиция... – Как сказать ей, что он убит? – Я его не видел.

Снова наступила пауза. Потом снова вопрос:

– Что будем делать, Чес?

Я взглянул на часы над камином. Двадцать минут двенадцатого.

– Думаю, мы едва ли что можем сделать.

Она вздрогнула:

– Как? Мы ничего не будем делать?

– Да, ничего. Уже поздно, и сейчас я отвезу вас домой.

Она всем телом подалась вперед, стиснула руками колени.

– Но, Чес, хоть что-то надо предпринять? Ведь я должна была остановиться. Это, конечно, несчастный случай, но я должна была остановиться. – Она стала бить кулачками по коленям. – Ведь он может меня узнать, если увидит. А может быть, он даже записал номер. Нет, что-то обязательно нужно предпринять.

Я допил виски, поставил стакан, потом поднялся.

– Вставайте. Я отвезу вас домой.

Широко раскрыв удивленные глаза, она продолжала сидеть.

– Вы что-то от меня скрываете, да? Что?

– Дело плохо, Люсиль, – выдавил я из себя. – Так плохо, что хуже некуда. Но пугаться не надо.

– Что значит «хуже некуда»? – Голос ее вдруг сорвался на фальцет.

– Вы задавили его.

Она стиснула кулачки.

– Господи! Что, он тяжело ранен?

– Да.

– Отвезите меня домой, Чес. Надо рассказать Роджеру.

– Не нужно ему ничего говорить, – устало произнес я. – Он ничем не сможет помочь.

– Как – не сможет? Капитан полиции – его хороший друг. Роджер ему все объяснит.

– Что объяснит?

– Ну, что я только учусь водить. Что это был несчастный случай.

– Боюсь, это не произведет должного впечатления.

Она выпрямилась, в широко открытых глазах застыл ужас.

– Неужели он так тяжело ранен? Подождите... он что – мертв?

– Да. Все равно вы бы об этом узнали. Он мертв, Люсиль.

Она закрыла глаза и прижала руки к груди.

– О боже, Чес...

– Только без паники. – Я постарался, чтобы голос мой звучал решительно. – Мы с вами ничего не можем предпринять, по крайней мере сейчас. Мы, конечно, здорово влипли, но если не терять головы...

Она уставилась на меня. Губы ее дрожали.

– Но вас-то в машине не было. При чем тут вы? Я одна виновата.

– Нет, Люсиль, виноваты мы оба. Ведь это я вел себя как скот, иначе вам бы и в голову не пришло срываться и убегать. Так что моей вины здесь не меньше.

– О-о, Чес...

Уронив голову на спинку кресла, она зарыдала.

Минуту я смотрел на нее, потом обнял и притянул к себе.

– Что они с нами сделают? – всхлипнула она, вцепившись в мои плечи.

– Вы не должны об этом беспокоиться, – попытался утешить ее я. – Пока не прочтем завтрашних газет, делать ничего не будем. А завтра все решим.

– А если кто-нибудь видел, что его сбила я?

– Никто не видел. На пляже никого не было. – Я крепко обнял ее. – После того как вы его сбили, вам какие-нибудь машины попадались?

Оттолкнув меня, она с трудом поднялась на ноги и, пошатываясь, подошла к окну.

– Кажется, нет. Точно не помню.

– Это очень важно, Люсиль. Постарайтесь вспомнить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.